

О ГЛАВНОМ

О мире, конечно! Потому что торжество дела мира — это не только ласковое синее небо и не только широта помыслов и мирных свершений. Мир — это человечество, дышащее полной грудью, радостно и жизнелюбивое, это новые, качественно новые, дружественные взаимоотношения государств и народов, это благосостояние людей, которые смогут пользоваться неисчислимыми богатствами, поглощаемыми ныне безвозвратно производством орудий разрушения и уничтожения.

Все это так, все известно и неопровержимо. Но почему же человеческая ожесточенность, алчный эгоизм, властолюбие, потакание низменным инстинктам так упорно живут, как неистребимы? Почему нет-нет да и обозначится в том или ином уголке земли коричневая короста фашизма, поднятая из самых темных глубин пещерных времен, из мрака звериных инстинктов, ненависти и страха.

Прозрением человечества, восстанием духа против угнетения, эксплуатации, невестства и алчности стал Великий Октябрь. Октябрь и Ленин, его провозвестник и кормчий, положили начало новой эре в истории человечества — во имя истинной человечности, победы света над мраком. Октябрь стал началом и борьбы за мир, справедливый мир для всех народов. И Хельсинки, и новое Стокгольмское воззвание, и берлинская встреча компартий — все это естественное, логическое и решительное продолжение исторического процесса, начавшегося тогда, в хмурое октябрьское утро, когда планета внимала словам первого государственного Декрета о мире, начертанного ленинской рукой.

Октябрь был порожден социальной энергией трудового народа, его мудростью. В его подготовке принимали участие и великая наша литература, и искусство, которые мы считаем выражением народной мудрости. Отсюда: «искусство принадлежит народу», потому что оно им создано и его нельзя от народа отнять. И долг художника, его ответственность перед народом есть душа, сущность нашего искусства.

Марксово предназначение — строить мир «по законам красоты» — обращает слово «красота» в понятие не столько эстетическое, сколько — а может быть, и прежде всего — этическое, потому что прекрасно то, что духовно очищает, умудряет, высвобождает творческую мощь человеческого гения.

Маркс подчеркивал, что коммунистические идеи, которые «овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...» Поразительные слова! И как прекрасно дополняют их исполненные силы и ясного видения сути дела ленинские положения: «...нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести, — не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели».

Совесть! Понятие глубоко социальное и конкретное. Нельзя быть абстрактно совестливым или бессовестным. Изолированный в «башне из слоновой кости» художник — ничто.

Идея коммунизма основана на вере в Человека с большой буквы, в Человека, интеллект которого будет одухотворен настолько, что сознание себя частью целого, именующего человечеством, станет этической нормой его поведения.

Пусть не будет понято сказанное мной, как проповедь некоего растворения человеческой личности в «общей массе». Нет ничего более несовместимого с идеей коммунизма, чем нивелирование индивидуальности или унылый аскетизм, и лучшим подтверждением этого может служить жизнь и борьба подвижников революции, рыцарей идеи, какими вошли в память благодарного человечества основоположники марксизма-ленинизма.

Сегодня мир озабочен созданием искусственного интеллекта, который будто бы окажется выше живого, индивидуального, «естественного» разума. Но что или кто будет руководить им? Скажем, этот «интеллект» создаст огромной силы энергетическую систему — кому будет принадлежать решение вопроса о добром использовании этого достижения? Конечно, можно и искусственный разум наделить способностью отличать доброе от злого, но, может быть, тогда это будет уже не просто искусственный интеллект, а нечто более духовно ценное...

Вероятно, кому-то мои тревоги и раздумья покажутся наивными. Но разве не менее наивно отделить тему этики, тему совести как духовной силы, от раздумий о нашем Завтра, от наших усилий это Завтра создавать?

Удивительна, а может быть, и не случайна эта двусмысленность в русском языке слова «мир». А может быть, мир — вселенная и мир как антипод войны — неделимое единство? Может быть, доказательством этого и предназначено быть театру — именно театру как явлению, как искусству, по природе своей непосредственно объединяющему людей.

Но прежде чем повести речь о том месте, которое по праву может и должен занимать театр в духовной жизни общества, в утверждении высокой нравственности, я хочу привести здесь еще одну ленинскую мысль, имеющую прямое отношение к предмету разговора. «Право, наши

писи? Но и живопись редко воспринимается длительно.

Конечно, у музыки, живописи, литературы есть свои преимущества: их несложно воспринять повторно — так же, как повторно воспринимаем мы и архитектуру, а стихи запоминаем наизусть. Но воспринятое живет в памяти изменчиво.

Впрочем, это относится ко всем видам искусства — все они живут в памяти, видоизменяясь, часто искажаясь, подчас очищаясь. Исчезают и вдруг внезапно всплывают в памяти, рожденные неожиданными причинами, ассоциациями, событиями.

Сегодня главная забота всякого искусства — глубокое воздействие на человеческую душу, его образная, многогранная сущность, воспринимаясь и как высокий пример для подражания, зовущая к подвигу. В равной мере это относится к литературе, но, конечно же, в первую очередь, к тем искусствам, где человек в его поступках, думах, чувствах, столкновениях предстает воплощенным в яви, в «плоти и крови» — зримый, слышимый. Такой образ возможен прежде всего в театре, кино, телевидении.

Но телевидение — явление самое доступное и распространенное — скорее технический посредник между человеком творческим и воспринимающим. Лишь в живом театре вы непосредственно, лицом к лицу, встречаетесь с живым творческим процессом — отбираете своим вниманием то, что вам близко, и одновременно получаете возможность воспринимать непосредственно целостное

бывавшему расколоть зрительный зал на друзей и врагов. — в его дни это было важно. Сегодня бесконечно важнее другое — объединять зал единым чувством, общностью мысли. Время властно требует и от нас, режиссеров, объединиться перед лицом грандиозных задач, стоящих перед нашим искусством, объединиться, отнюдь не поступаясь своей индивидуальностью. Только так театр сможет стать заодно со зрителем. Нам следует убежденно помнить шекспировские уроки — учиться объединять людей на доступном им уровне, создавая спектакль, поднимающий этот уровень.

Великий Октябрь пробудил новое человеческое сознание, одновременно с борьбой за улучшение быта он зовет человека к духовной жизни, ибо коммунизм истинный (а не «казарменный», мысль о котором была так ненавистна Марксу) означает новый уровень человеческой жизни, в которой человек бескорыстен, творчески активен, справедлив, добр.

Если боль других твоей не стала,
Прожита напрасно жизнь твоя.

Так сказал наш современник Расул Гамзатов. Так думаем мы все. Так хотим, чтобы так думали все люди на земле. Великой правдой звучит во всем мире призыв нашего государства, Коммунистической партии Советского Союза к взаимопониманию, к мирному сосуществованию всех стран и народов.

Ныне первый долг советского театра — выступать против социального зла в любой форме, сплачивать людей доброй воли, способствовать осуществлению миролюбивых чаяний народов. И как первая ступень взаимопонимания, рождающая дружбу, — умный и тактичный выбор тем, заключающих в себе призыв к торжеству разума и социальной справедливости, к высокой человечности во взаимовзаимности. Театр — строитель духовного мира — должен бросить вызов лжи, злу, собственничеству, стяжательству, эгоизму, угнетению, чванству — да разве перечислить все «против»!

Неправда, обман, двуличие тысячелетиями царили на земле. Обманом и двуличием и поныне живет дипломатия, основанная на буржуазном праве: то и другое представляется ей естественным законом общения. В раздумьи о завтрашнем дне планеты лучшие умы человечества ищут пути разрешения множества противоречий. И одна из тревог — вопросы загрязнения земной атмосферы. Ну, а разве не связаны раздумья эти и с тревогой не менее глубокой: противоборством замутненно нравственной атмосферы, к чему в незначительной степени причастно современное искусство Запада, обильно взращивающее плевалы мракобесия, цинизма, безверия, насаждающее идеологию расизма, культ жестокости и насилия?

Тысячи и тысячи молодых людей на Западе разубеждаются в смысле жизни, построенной на эгоизме и корыстном расчете, когда благополучие одних достигается за счет унижения и прозябания, социального и физического, других. Опустошенные молодые презирают сытое самодовольство всемирного мецанства. А что взамен? Насилие, секс, наркотики — вот и все радости кратковременного земного существования. Идеалов нет, смысла нет, перспектив нет. Человек рожден, чтобы умереть, уйти в ничто...

В Америке на одной из встреч со студентами Индианского университета в ответ на мою критику широкого распространения на современной американской и западной сцене и в кино животной патологии кто-то возразил мне: «Но почему? Ведь человек и есть животное, только высшего порядка». Я ответил: «Согласен с вашей формулировкой. Так вот, вас интересует первая часть формулировки: «человек есть животное», а нас — вторая: «высшего порядка»!

Вот этот высший порядок — духовный уровень человеческой жизни — и есть то, чем жила великая русская литература. Это тот уровень, на который поднял советский театр Станиславский, определив как материальное искусство театра и цель его — «жизнь человеческого духа». Как же не гордиться

нам тем, что наше искусство всегда было в глазах всего просвещенного мира университетом нравственности, духовности, борьбы за социальный прогресс.

И пристало ли нам мнить с тем, что подчас и у нас находятся люди, которые, подобно провинциалам, охают и ахают над такими «достижениями» западного театра, когда на сцене бесстыдно демонстрируется половой акт или рвота, когда актеры выпадают в психический транс? Когда экран заляпывается рекламно-модным, омерзительно зловонным искусством животной патологии?

Достойно ли это нас, ленинцев в искусстве, не давать отпор подобным явлениям? Теоретически спорить со сторонниками лженинаторского модного искусства современного Запада вряд ли целесообразно. Мы должны резко и четко противопоставить им свое понимание ценностей — подлинно духовных ценностей — и тем самым вступить с нашими противниками в идейное противоборство за душу человеческую, за завтрашний день людей доброй воли, выражающих твердую волю отстаивать свои социальные права, непреложную веру в победу дела мира.

Я не хочу, чтобы читателям показалось, что все наше я вижу в розовом свете, все зарубежное — в черном. Нет! Прекрасные художники Запада и Америки, с которыми подчас даже не полностью соглашаешься, восхищают талантом, мастерством, высотой, истинной близостью...

А у себя мы с горечью констатируем много еще не изжитых противоречий, художнических да и повседневных. Еще столько мусора оскверняет и тормозит нашу жизнь, и мириться с ним мы не должны. По Гоголю, говорившему о русских сатириках, что «огнем негодования лирического зажгла беспощадная сила их насмешки», должны мы быть бескомпромиссными и правдивыми.

Ленин учил нас безбоязненности. Так не будем забывать и этого мудрого его завета. В нашем великом походе за дело мира возьмем на вооружение все лучшее, чем оно богато, приложим все усилия, чтобы многократно умножить это богатство. Силой искусства, начало которому положил Великий Октябрь, раскроем миру благородство и чистоту помыслов общества, построенного на гранитных основаниях социализма, величие и красоту свободного труда.

Конечно, в кратком, почти конспективном изложении многое мною «проговорено» бегло и многое упущено, недосказано. Впрочем, сама тема моих рассуждений, в сущности, неистощаема.

Я только хочу острее поставить, выражаясь языком ученых, вопрос «о социальном престиже» нашей профессии, точнее, о социальном престиже советского театра как искусства, которому Ленин предназначал высочайшую миссию формирования духовного мира человека коммунистического общества, а также о тех конструктивных выгодах, которые необходимо извлечь из такой постановки вопроса безотлагательно и которые должны стать не только профессиональной заботой деятелей театров, но и вырасти до масштабов государственной значимости.

Престиж нашего искусства и сегодня высок — об этом пишут деятели самого разного толка и за рубежом. Это престиж искусства, представляемого именами Шостаковича, Улановой, Рихтера. Это престиж, который будет подкреплен именами идущих следом, и тех, кому еще только предстоит сказать свое слово в искусстве. Борьба за этот престиж должна быть яростной, требовательной, прекрасной. У нас столько талантов — их надо развлекать, поддерживать, поощрять.

Нет сомнения, что советское искусство, безграничное, как сама жизнь, всегда будет мощнейшим средством в борьбе нашей партии за построение коммунизма.

В этой статье мне хотелось заострить вопрос о высочайшем предназначении советского театра, о путях дальнейшего развития нашей театральной культуры. Конечно, все, о чем здесь говорится, останется всего лишь общими фразами, если за словами не последуют дела, если не будут реализованы совершенно конкретные решения и конструктивные предложения, и к этому я надеюсь вернуться.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,

народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

рабочие и крестьяне, — говорил В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин, — заслуживают чего-то большего, чем зрелище. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры... На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответствующую своему содержанию».

Нам следует задуматься о том, что слова эти обращены и в наш сегодняшний день. Дело народного просвещения, повышения культурного уровня трудящихся получило у нас, общеизвестно, широчайший размах, и это ставит вопрос о качестве, значимости нашего искусства с особой остротой.

В начале статьи я говорил о важнейших предпосылках, социальных и духовных, высвобождения и раскрепощения творческого, созидательного начала в условиях социализма, что является базой расцвета и искусства тоже. Вопрос в том, как мы реализуем эти предпосылки, все ли возможности используем для того, чтобы искусство наше отвечало требованиям времени, его задачам. И если брать театр — в полную ли мощь проявляется его способность безраздельно владеть человеческой душой? С полной ли отдачей работаем мы, деятели сцены?

Да, непостижимая сила заложена в этом великом даре — даре перевоплощения, «лицедейства». Дар этот, данный человеку, может быть, как первый талант, чтобы радовать, предупреждать, ограждать, нередко служил и злу. У нас он призван служить Добру, Правде. Это — в самой природе великого искусства сцены.

Когда человек читает книгу, он редко читает ее «запоём»: его прерывают, отвечают, целостное впечатление распадается на дробные, подчас на ходу, небрежно, с пропусками схваченные отрывки. Стихи? Да! Но они кратки, мгновенны... Конечно, жизнь их продолжается и после того, как они восприняты, но первое восприятие их кратко, как и они сами. Музыку я исключаю: музыка — величайшее искусство, и оно воспринимается целостно, непосредственно. Но музыка, настоящая музыка, многим недоступна и в каком-то смысле аполитична: она может быть многозначно воспринята, особенно если это музыка без текста. Живо-

произведение. Только в театре возникает возможность объединенного и тем самым увлеченного сопереживания зрителей, восприятие «здесь, сейчас, сегодня» перед вами происходящего творческого процесса, рождающего особый, неповторимый микроклимат данного спектакля, его «атмосферу».

Живое, взаимообогащающее единение исполнителей и зрителей! И разве эта способность к объединению не является бесценно драгоценной для мастеров сцены и для зрителей? Как тут не обратиться к словам о ленинскому высказыванию, бесценно дорожому сердцу каждого работника советской сцены. По свидетельству М. И. Калинин, В. И. Ленин говорил, что место религии займет театр. Сила театра, его величие и красота в том, что он способен целиком завладеть нашим вниманием и дарить нас впечатлениями живописными, литературными, музыкальными и чисто театральными в особом мощном сплаве! Этот сплав так многогранно воздействует, что способен сейчас, сию минуту непосредственно производить впечатление огромной силы, потрясать. Эти особенности театра связаны еще и с его импровизационностью. Фильм зафиксирован раз и навсегда: во второй, третий раз вы будете смотреть один и тот же фильм. Двух одинаковых спектаклей быть не может. В той или иной мере спектакль каждый раз звучит иначе, пусть незначительно, но непременно иначе.

Вот почему острейшим образом должна осознаваться всеми нами, деятелями сцены, связь театра с жизнью, с нашей социалистической действительностью, и не только осознаваться, но и находить конкретное выражение во всех творческих компонентах. Она должна чувствоваться и актером, продолжаящую подспудную работу над ролью и в процессе спектакля, и режиссером, выдвигающим свою концепцию спектакля. Время, живое течение времени либо губит спектакль, либо неожиданно развивает его и тогда требует режиссерского вмешательства — нового режиссерского варианта. Мы же все, кто создает спектакль, не только далеко не всегда обладаем способностью профессионально жить сценой, но и ощущать себя сегодняшним ее зрителем.

Это совсем не просто, тем более что и зритель бывает разный. И все же: сегодня я возражаю Мейерхольду, тре-